

Неженский символ авторитаризма в АПН СССР. Воспоминания о начале 80-х.

В 1979 году для психологов АПН СССР наступило новое время. Связано это было, конечно, не только и не столько со снятием с поста вице-президента Академии Артура Владимировича Петровского, а с тем, что ныне называемые «застойными» времена достигли своего наивысшего расцвета. Не могло это не сказаться и на конкретных персоналиях, которые курировали и отвечали за «надчерицу» педагогики в АПН СССР и в СССР вообще. Так, в начале 80-х годов главным надзирателем за психологами и цензором их мыслей стала Антонина Георгиевна Хрипкова, доктор биологических наук из Ростова-на-Дону, депутат Верховного совета СССР, женщина недюжинного ума с неженским характером. Для нее так был органичен авторитарный, даже авторитаричный подход к науке, что она может служить символом того времени в истории управления психологической наукой в СССР. Честно говоря, в личном плане Антонина Георгиевна вряд ли привлекла бы меня как объект специального изучения, но для многих молодых, для того чтобы объяснить, какой была атмосфера в психологическом сообществе в те годы, имеет смысл характеризовать это время именно через конкретные персоналии. Вряд ли можно найти для этого более подходящую фигуру, чем академик АПН СССР Антонина Георгиевна Хрипкова. Вот несколько историй из того времени, связанных с ней.

I

После снятия с поста вице-президента А.В. Петровский (благо, он вовремя успел после разговора с завотделом науки ЦК КПСС Кожевниковым самолично написать заявление об уходе по собственному желанию) оказался простым заведующим лабораторией «Психологические исследования личности в коллективе» НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, директором которого взамен снятого вместе с А.В. Петровским В.В. Давыдова стал профессор А.М. Матюшкин. Последний, как заметили тогда практически все сотрудники Института, испытывал буквально животный страх перед властной и гром-

гласной А.Г. Хрипковой, которая к тому же сантиметров на 30 была выше нового директора и, если так можно выразиться, куда «весомей» его.

Несмотря на то, что А.В. Петровский был одномоментно смещен со всех занимаемых им официальных постов в психологическом сообществе, его личный авторитет оставался не только на высоте, но даже приобрел некий флер никак не привычного для него диссидентства. Он был автором или ответственным редактором практически всех основных отраслевых учебников по психологии, ориентированных на студентов самого массового типа учреждений высшего профессионального образования — госпединституты. Что касается заграницы, то,

пожалуй, именно он к тому времени оказался там самым узнаваемым из советских психологов, как в связи с тем, что учебники по общей, возрастной и педагогической психологии были переведены чуть ли не на все европейские языки, так и потому, что в течение нескольких лет в 70-ые годы именно он был представителем СССР в комиссии ЮНЕСКО по образованию.

В те годы в Европе было почему-то принято, чтобы образование в своей стране курировала какая-то из монарших особ, если эта страна, конечно, была монархией. Насколько мне помнится, куратором образования в Бельгии была бельгийская королева. Так совпало, что через какое-то время после снятия А.В. Петровского с поста вице-президента АПН СССР королева должна была посетить Москву и в протокольном плане ее официальных встреч значился профессор Петровский и как вице-президент АПН СССР, и, главное, как автор учебников и многолетний представитель СССР в ЮНЕСКО по вопросам образования. Не стоит и говорить о том, что объяснить бельгийской королеве все перипетии борьбы за власть в Академии и рассказывать историю увольнения А.В. Петровского с поста вице-президента не только никому не хотелось, но и попросту «не могло». Поэтому в протоколе официальных встреч Петровский остался. Но как устроить подобную аудиенцию? Решение пришло само собой: почему бы не принять бельгийскую королеву в кабинете директора старейшего в СССР психологического института, никак при этом не определяя его официальный статус, который, кстати, ее совершенно и не интересовал. Просто встреча бель-

гийской королевы — куратора образования в Бельгии и одного из ведущих психологов СССР — академика Петровского. На том и порешили, назначили день и время ее приезда в НИИ ОПП АПН СССР, о чем, конечно, были предупреждены все сотрудники Института, а его фасад над центральным входом украсили флагами двух государств и на крыльцо выставили вазы с цветами.

Как сейчас помню, это происходило во вторник, когда лаборатория Петровского дежурила по институтскому гардеробу. Дело в том, что путем постепенного, но последовательного урезания штатного расписания руководство Академии добилось того, что ставка гардеробщицы была сокращена и верхнюю одежду у сотрудников принимали их же коллеги, лаборатория которых назначалась дежурной на этот день. Понятно, что реально в гардеробе дежурили лаборанты и аспиранты, а никак не научные сотрудники и уж тем более заведующие лабораториями.

С самого утра, придя на работу, Артур Владимирович подозвал нашу лаборантку Яну Ашневиц, которой в этот день предстояло обменивать пальто на номерки, и попросил ее предупредить его, когда кортеж с бельгийской королевой въедет во дворик института. Естественно, Яна так и поступила и около 12 часов дня, после ее сообщения Артур Владимирович почти сбежал с третьего этажа на первый, быстро разместился в деревянном коробе гардероба у окошка сдачи и выдачи одежды, предварительно натянув на себя рабочий халат. Все это с изумлением наблюдали выстроившееся в фойе у стены директор, замдиректора, секретарь партоганизации, председатель профкома.

В фойе вошло несколько человек. Первая из них — бельгийская королева, вслед за ней — Антонина Георгиевна Хрипкова, а уже за ней непонятно чья свита из четырех мужчин, то ли сопровождающие королевы, то ли охрана вице-президентши. Артур Владимирович радушно улыбался из окошка гардероба. Выражение лица Хрипковой я не берусь описать, но она строевым шагом донесла это лицо до директора — Алексея Михайловича Матюшкина, наклонила это лицо к его лицу и чеканно прошептала так, что слышали все находящиеся в фойе: «Я, конечно, просила, но не настолько же». Думаю, что бельгийская королева первый раз в своей жизни знакомилась со своим будущим собеседником через окошко гардеробной...

Правда, как говорили, последующая ее беседа с А.В. Петровским в кабинете директора прошла очень удачно. Говорили также, что давая интервью уже в своей стране по поводу поездки в СССР, королева не преминула отметить: «Принимали меня очень внимательно и вежливо, вся запланированная программа была выполнена сполна и даже та женщина, генерал КГБ, которая всюду меня сопровождала, была крайне деликатна...».

II

Этой истории я не был лично свидетелем и потому не могу на 100% поручиться за ее полную достоверность. Но слух о ней упорно существует уже многие годы и столь органично вписывается в портрет академика А.Г. Хрипковой.

В те годы в Академии педагогических наук СССР действовало как бы неглас-

ное правило — вице-президент одновременно являлся еще, как правило, и директором одного из ведущих институтов Академии. Правда, правило это не было абсолютным. Например, А.В. Петровский в годы своего вице-президентства так и оставался заведующим лабораторией. Антонина Георгиевна Хрипкова, став вице-президентом АПН СССР, приняла НИИ возрастной физиологии детей и подростков — одно из ведущих учреждений Академии. Выглядело это достаточно естественно, так как она была доктором биологических наук, а бывший директор этого института, академик, по-моему, Академии медицинских наук Бадалян, к этому времени скончался. Он был по-настоящему любим всеми сотрудниками и память о нем до сих пор жива в сердцах тех, кто с ним когда-либо сталкивался по работе или просто по жизни.

Антонина Георгиевна, женщина властная, самолюбивая и, как оказалось тогда, ревнивая. Став директором, она стала изживать память об академике Бадаляне, в частности, потребовала профком дать отчет по поводу тех денег, которые тратились на цветы, менявшиеся каждый день перед траурным портретом умершего академика. Все это вызывало раздражение у сотрудников, нелюбовь к новому директору, ностальгию по «бадалянским» временам. Хрипковой решили отомстить, кто-то решил.

Среди вороха телеграмм и поздравительных открыток, которые легли к ней на стол в день ее первого в институте дня рождения, оказалась и телеграмма со следующим текстом: «Поздравляю славным юбилеем! Жду ближайшее время себе. Академик Бадалян». По сути своей — безусловно хулиганский поступок,

вряд ли заслуживающий какого-то внимания. И не будь ему продолжения я несомненно не стал бы о нем упоминать в своих воспоминаниях. Но продолжение было.

Не знаю, какие уж службы поставила «на уши» вице-президент АПН СССР, депутат Верховного совета СССР, которую поддерживал непосредственно Секретарь ЦК КПСС Соломенцев, но подлинник бланка телеграммы был найден. На нем печатными буквами от руки было написано в графе обратный адрес: «Москва, центр, Ваганьково, участок №... Академик Бадалян».

Очень хорошо этот хулиган знал и А.Г. Хрипкову, и то время, в которое она «царствовала» в Академии.

III

Как бы кто ни относился к Антонине Георгиевне Хрипковой, но отказать ей в трудолюбии и при этом в научной эрудиции и уме было бы попросту несправедливо. Надо сказать, что в конце 1982-го—начале 1983-го года она взвалила на себя груз непомерной тяжести. Лично она, академик А.Г. Хрипкова, взяла на себя обязанность аттестовать все без исключения научные психологические подразделения АПН СССР. Безусловно, идея вполне здравая, но вылилась она, естественно, в прямое издевательство над людьми.

Осуществляемая экзекуция была выстроена следующим образом: на конкретный день в Президиум АПН СССР приглашались все без исключения научные сотрудники какой-то лаборатории. При этом каждый должен был привезти с собой все свои научные труды. Напом-

ню, что происходило это тогда, когда никаких принтеров в помине не было или уж, во всяком случае, они были недоступны для простых смертных. Именно поэтому, если у вас вышли тезисы какой-то конференции на страничку-две, но помещены они оказались в солидном томе, то вы, естественно, должны были принести эту книгу. Помню, что работавший тогда в лаборатории А.В. Петровского Натан Семенович Лейтес, у которого было более 300 публикаций, конечно, с нашей помощью, но вез на встречу с Хрипковой 4 здоровенных чемодана книг. За время аудиенции у вице-президента эти чемоданы так и остались стоять в приемной, а потом мы с Лейтесом везли их на перекладных до его дома на окраине Москвы. Все делалось для человека, во имя человека и имя этому человеку в АПН СССР было Хрипкова.

Уже утром в 10 часов все сотрудники лаборатории во главе с Артуром Владимировичем Петровским в прямом смысле на чемоданах сидели в приемной, ожидая вызова. Мимо нас в кабинет Хрипковой прошествовали директор НИИ ОПП А.Н. Матюшкин, ученый секретарь Института Боря Круглов и почему-то секретарь парткома А.Н. Ковалев. Затем в кабинет вызвали Петровского и уже через пару минут первого из нас — Н.С. Лейтеса, затем А.С. Морозова, Ю.В. Янотовскую. Надо заметить, что никто из них в приемную не возвращался, оказалось, что их выпускали через другую дверь и предупреждали, чтобы они не заходили в приемную, а ждали в коридоре. Наконец настала моя очередь. Я вошел в кабинет, за столом сидела А.Г. Хрипкова, а за приставленным маленьким столиком А.В. Петров-

ский. Рядом с ним стоял и стул для меня. Справа у стены в ряд на трех стульях сидели Матюшкин, Круглов и Ковалев. Я угнездился на краешке стула и уперся взглядом в А.Г. Хрипкову. Она, не поднимая головы, листала мое личное дело.

— Я вижу, вы только что защитили кандидатскую диссертацию, — не поднимая глаз от бумаг изрекла она.

Надо сказать, что к тому моменту через ВАК моя диссертация еще не прошла.

— А сколько у вас публикаций?

— Пять. — Ответил я.

— Это недопустимо мало, — заявила Хрипкова, — на нашем Совете мы бы подобное не допустили к защите.

Вдруг от стены послышался голос Бори Круглова.

— Ну, если бы не допустили, то поступили бы незаконно. Важно не количество публикаций, а то, чтобы они полностью отражали содержание диссертации.

Опешили все, не только Хрипкова, но и Петровский и я. Боря Круглов и здесь проявил себя как борец за справедливость, как человек, никого и ничего не боявшийся и имеющий свое собственное мнение. Удивительный человек и замечательный ученый!

Хрипкова полистала еще раз мое дело и протянула: «Ааа, так вы не психолог. Вы закончили исторический». Петровский под столом наступил ногой мне на ногу. Но я уже не мог молчать.

— Антонина Георгиевна, мы здесь, в Академии, все педагоги, даже те, кто защищался по парнокопытным.

Надо сказать, что одна из диссертаций, не помню, кандидатская или докторская, А.Г. Хрипковой была посвящена именно этим «испытуемым». Хрипкова первый раз подняла на меня глаза. Я почувствовал себя бандерлогом под взглядом Каа.

— Да и еще вот что. Диссертация у вас посвящена несовершеннолетним правонарушителям. А в нашей стране детской преступности нет.

Она, не отрываясь, смотрела мне в глаза.

— А может вам стоит перейти работать в Академию МВД?

Петровский продолжал жать мне ногой на ногу, но я опять не удержался.

— А что, Академия МВД не у нас в стране?

Хрипкова отвела от меня взгляд, посмотрела на Петровского и спокойно сказала: «Молодому человеку стоит заняться проблемами авторитета педагога». И уже мне: «Идите». Я оказался в коридоре, среди своих товарищей, так же, как и я, уже «отбывших номер».

Последующие пять лет я занимался проблемами авторитета учителя и, кроме того, раз в год, когда приезжала в НИИ ОПП АПН СССР комиссия во главе с Хрипковой, неизменно приглашался на нее среди пяти меняющихся каждый год сотрудников Института для выборочной перееаттестации.

*М.Ю. Кондратьев,
доктор психологических наук,
профессор,
член-корреспондент РАО*

**Unfeminine Symbol of Authoritarianism at the USSR Academy
of Pedagogical Sciences. Recollections of the Early 1980s.**

M. YU. KONDRATYEV

*Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy
of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education*